
Ася Жилина
ПУСТОТА
ПОБЕГ С ЗАХРЫ
18+

Ася Жилина

Пустота. Побег с Захры

«Автор»
2026

Жилина А.

Пустота. Побег с Захры / А. Жилина — «Автор», 2026

Анна — молодая дочь Барона Варгаса, пленница на гнилой планете Захра, где женщины — лишь товар в руках алчных баронов. У неё нет ни памяти о прошлых веках, ни верных союзников, ни права на свободу. Но внутри неё всё ещё дремлет хищник, который помнит вкус звезд и тайны забытой колыбели человечества.Когда случайная встреча дает ей шанс сбежать, Анна начинает опасную игру. Ей нужно собрать команду из изгоев, найти свой легендарный корабль и бросить вызов империи, которая охотится не за ней, а за самой её сутью.Она — единственная, кто знает правду о том, почему Земля исчезла из всех карт. Она — единственная, кто может открыть дверь, запертую 1300 лет назад.Но готова ли Вселенная к тому, что Скиталец наконец-то решил вернуться домой?

© Жилина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Госпиталь 7
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Ася Жилина
Пустота. Побег с Захры

Пролог

Сингулярность.

Корабль «Первопроходец» не просто разваливается — он перестает существовать.

Я цепляюсь за консоль управления, чувствуя, как реальность вокруг истончается, превращаясь в вибрирующее марево. Внутри реактора столкнулись материя и антиматерия, но вместо взрыва произошло нечто более страшное: пространство свернулось в тугую петлю. Я вижу, как мои коллеги — люди, с которыми я делю пайки и смены последние три года, — растягиваются, словно нарисованные на резине, теряя форму и человеческий облик.

Я — техник. Я знаю, что сейчас произойдет. Плазменный поток из двигателей, вышедших из-под контроля, должен стереть меня на атомарном уровне.

— Уходи! — кричал кто-то в интерком, но звук голоса исказился, превратившись в низкий, утробный гул, идущий не из динамиков, а прямо из её черепа.

Плазма ударила в переборку. В этот момент время остановилось.

Я не умираю. Я оказываюсь в месте, где не было ни верха, ни низа, ни цвета. Это была не тьма — это было отсутствие всего. Пустота. Я чувствую, как сознание начинает распадаться, как память о том, кто я.

«Хочешь жить?»

Вопрос не был произнесен словами. Это была вибрация, пронизывающая саму суть моего «Я». Я не знаю, кто спрашивает, но знаю, что ответ — мой единственный шанс не исчезнуть в небытии.

— Да, — шепчу я, не имея рта.

«Я дам тебе время. Я дам тебе тысячи жизней. Но в обмен... ты станешь моим сосудом».

Я понимаю, что это сделка с дьяволом, с чем-то древним и бесконечно голодным. Но страх забвения сильнее. Я понимаю, что этот дьявол жаждет не только меня, но и все человечество. Пустота желает поглотить Сингулярность.

— Соглашаюсь.

В ту же секунду Пустота сомкнулась. Тело еще не умерло, но оно больше не существует в этом мире.

Где-то далеко, в пространстве между мирами, нечто древнее облизнулось, предвкушая пир длиною в вечность. Сделка была заключена

Последний прыжок.

Сенсоры «Авангарда» визжали, как раненые звери. В обшивке корабля что-то стонало — металл не выдерживал перегрузок, с которыми Скиталец гнал катер к границе обитаемого сектора.

— Они не отстанут, — голос Евы звучал спокойно, почти ласково. На голографической панели в центре рубки мерцал аватар — схематичное, но удивительно человечное лицо. — Вероятность перехвата через три минуты — 98%.

Скиталец, широкоплечий пилот средних лет, его тело уже едва слушалось из-за критического уровня адреналина, вцепился в штурвал. Он знал этот голос. Ева была единственным, что у него осталось как память прожитых лет.

— Ева, ты знаешь, что делать, — прохрипел он, вытирая кровь, сочащуюся из носа

— Я не боюсь прекращения функционирования, — ответила она. — Я боюсь того, что ты останешься один.

— Я никогда не бываю один, — горько усмехнулся Скиталец, чувствуя, как где-то на периферии сознания голодная Пустота потирает руки в ожидании старого врага. — Мы идем в Войд. В «Мертвую зону». Туда, где даже сканеры Синдиката захлебнутся собственной тишиной.

— Это самоубийственный маршрут, — заметила Ева, но в её голосе не было страха. — Ты уверен, что сможешь вернуться за мной?

— Всегда возвращаюсь.

Он нажал на рычаг прыжка. Корабль содрогнулся, реальность снаружи лопнула, как перезревшее стекло, и «Авангард» нырнул в абсолютную черноту Войда. Здесь не было звезд. Не было света. Только бесконечное «ничто», в котором можно было спрятать даже бога. Пустой пузырь в теле космоса. Место, которое обходят даже галактические аттракторы.

Скиталец быстро ввел последовательность команд, блокируя доступ к навигационным логам. Он не записывал координаты в память компьютера — он выжег их в своей собственной памяти.

— Ты спрячешься здесь, — сказал он, глядя на мерцающий аватар Евы. — А я... я должен «уйти». Когда я вернусь, я найду тебя. Поклянись, что будешь ждать.

— Я всегда жду, — ответила Ева. Её глаза-пиксели на секунду стали неестественно яркими.

Он откинулся в кресле, чувствуя, как холод Пустоты проникает сквозь стены корабля. Он знал, что делает. Это был не конец.

Скиталец вытащил из-за пояса небольшой лазерный резак, который всегда держал наготове. Рука не дрогнула. Он посмотрел на Еву в последний раз, и в этом взгляде было не прощание, а обещание.

— До встречи, Ева, — прошептал он.

Раздался короткий, сухой звук. Голова пилота безвольно упала на грудь. В рубке повисла мертвая тишина, которую нарушало лишь мерное мигание индикатора «Режим ожидания» на пульте Евы.

Глава 1

Госпиталь

Анна открыла глаза, и первым, что она увидела, был не белый потолок, а расплывчатое пятно бледного, почти фосфоресцирующего света. Воздух в легких был тяжелым, пропитанным чем-то сладковато-металлическим.

Она попыталась пошевелиться, но тело не слушалось. Оно казалось чужим, тяжелым, как свинцовый скафандр. В груди саднило, а каждый вдох отдавался пульсирующей болью в ребрах.

— Тише, милая, — над ней склонилось лицо.

Медсестра. На её лице не было сочувствия — только холодная профессиональная отстраненность. Это была не молодая измученная женщина: бледная кожа, глаза, подведенные дешевым красителем, и форменный халат, на котором отчетливо виднелись пятна от старой крови. Она посмотрела на монитор, который тихо пищал у изголовья, и что-то пометила на планшете.

— Ты пролежала в коме четверо суток, — сказала медсестра, даже не глядя на пациентку. — Твой отец уже дважды звонил. Спрашивал, не подохла ли ты еще.

Анна моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Информация о том, кто она, где она и почему её отец ждет её смерти, не пришла вместе с пробуждением. В голове была лишь звенящая пустота. Она не помнила ни своего имени, ни этого «отца».

Она была чистым листом.

— Где... я? — голос прозвучал как сухой шелест.

Медсестра усмехнулась, обнажив серые десны.

— В муниципальном госпитале. Тебе повезло, что Барон Варгас не пожалел кредитов, чтобы вытащить тебя с того света. Хотя, зная его, он просто не хотел терять вложенные в твой «ремонт» деньги.

Анна закрыла глаза. Она почувствовала, как внутри, в самой глубине сознания, ворочается нечто огромное, холодное и голодное. Она не помнила прошлого, но инстинкты — древние, выверенные тысячелетиями выживания — уже начали подавать сигналы. Она знала, что её здесь быть не должно.

— Анна, — произнесла медсестра, проверяя капельницу. — Тебя зовут Анна. Постарайся не забыть это к приходу Барона. Он не любит, когда приходится повторять дважды.

Анна.

Имя отозвалось в голове странным эхом. Оно не было «её» в привычном смысле, но оно легло на язык как нечто забытое, но родное.

— Анна, — продолжила медсестра, — ты попала в аварию. Твоя мать решила, что может управлять автомобилем. Какая досада. Конечно же женщина не может делать нечто сложное. Она убилась сама и тебя чуть не покалечила.

Медсестра произнесла это с тем же будничным раздражением, с каким жалуются на плохую погоду или плесень в углу. Она даже не смотрела на Анну, её внимание было приковано к капельнице, где пузырек воздуха медленно, но верно подбирался к трубке.

Анна лежала неподвижно, глядя в потолок. Слова "авария", "мать", "убилась" — они прошли сквозь неё, не встретив преграды. Там, где у девочки по имени Анна должны были быть страх, горе или облегчение — была лишь пустота.

— Она всегда была дурой, — фыркнула медсестра, наконец заметив пузырек и стукнув по трубке. — Возомнила себя пилотом. Теперь Барону придется искать новую жену, чтобы родить наследника. А тебя... — она впервые посмотрела на Анну, и её взгляд скользнул по

лицу девушки с оценивающим, хозяйственным прищуром. — ...тебя придется подлатать. День Выбора скоро. Барон не любит дефекты, но ты хотя бы жива.

Медсестра вышла, оставив её в тишине. Анна медленно повернула голову. На тумбочке лежал небольшой выключенный планшет — видимо, кто-то из персонала оставил его. Она с трудом протянула руку и подтянула его к себе.

В отражении черного стекла она увидела лицо: тонкие черты, бледная кожа, глаза, в которых застыл немой ужас. Ей было не больше шестнадцати. Но, глядя в эти глаза, Анна видела не ребенка. Она видела тень чего-то бесконечно старого.

— Хорошо, — прошептала она самой себе, и голос её звучал уже тверже.

Ей безумно хотелось спать. И она позволила слабости утащить её в дремоту.

Дверь палаты распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Анна даже не вздрогнула — её тело, казалось, ни на секунду не испугалось внезапного шума. Она открыла глаза.

В палату вошел немолодой грузный мужчина. От него несло дешевым табаком и страхом, который он пытался скрыть за показной яростью. Его лицо, красное от раздражения, дергалось в нервном тике.

— Ну? — рявкнул он, не доходя до кровати. — Глаза открыла, а мозги на месте? Или после того, как эта полоумная дура вылетела с трассы, ты теперь только слюни пускать умеешь?

Анна медленно перевела на него взгляд. Она видела, как он сжимает кулаки, как его глаза бегают по палате, выискивая признаки того, что его инвестиция окончательно испорчена.

— Я... я ничего не помню, — прошептала она, стараясь, чтобы голос звучал максимально слабо. Она видела, как мужчина побагровел. Очевидно это и есть Барон — ее родной отец?

— Прекрасно! Просто великолепно! — он начал мерить палату шагами. — Три дня до Выбора, Анна! Три дня! Вся знать сектора соберется в столице, и я должен выставить тебя, как жемчужину, а не как овощ с амнезией! Твоя мать... эта идиотка! Решила, что может сбежать от меня, прихватив мой товар! И что в итоге? Она сгнила в кювете, а ты... ты стоишь мне столько кредитов, что я мог бы купить еще десяток рудников!

Анна внимательно следила за каждым его движением. «Товар». Это слово резало слух, вызывая внутри холодную, бездонную ярость, которую она пока прятала глубоко под маской испуганной девочки.

— Я не хотела... — Анна опустила глаза, изображая раскаяние. — Я не помню, как мы оказались в машине.

Варгас остановился и навис над ней, уперевшись руками в края койки. Его дыхание было тяжелым и неприятным.

— Мне плевать, что ты помнишь, а что нет. У тебя есть три дня, чтобы научиться стоять прямо, улыбаться и делать вид, что ты — самое желанное существо в этом секторе. Если ты провалишься на Выборе, если хоть один из гостей заподозрит, что ты «пустая»... — он понизил голос до угрожающего шепота, — я лично прослежу, чтобы тебя разобрали на органы. Твоя мать уже получила свое, не заставляй меня жалеть, что я оставил тебя в живых.

Когда Барон ушел, тишина палаты стала почти физически ощутимой. Анна с трудом поднялась с кровати. Ноги, словно сделанные из ваты, подкосились, и она едва не рухнула на холодный пол. Она ухватилась за край тумбочки, чувствуя, как в висках пульсирует тяжелый, рваный ритм.

В этот момент в её сознании произошел сдвиг.

Она не «вспомнила» прошлое, как человек вспоминает вчерашний ужин. Это было похоже на то, как если бы в её разум, переполненный пустотой, внезапно прорвалась плотина. Тысячи жизней, сотни имен, горечь поражений и вкус триумфов— всё это хлынуло в её мозг, смешиваясь с испуганными обрывками сознания Анны.

Она закричала, но звук застрял в горле. Её сознание разрывалось между тем, кем она была сейчас — сломленной девочкой, — и тем, кем она была на самом деле.

Она доплелась до зеркала в ванной комнате. Свет люминесцентных ламп был беспощаден.

Анна смотрела на свое отражение и не узнавала его. Тонкая, почти прозрачная кожа, ключицы, выступающие под тканью больничной рубашки, как лезвия. Она была красива — той хрупкой, утонченной красотой, которая была так востребована в гаремах Захры. Но для неё это была лишь качественная упаковка для товара.

Она подняла руку, рассматривая тонкие пальцы. Они дрожали.

— Слабое, — прошептала она, и её голос вдруг стал низким, чужим, полным холодного презрения. — Совершенно бесполезное.

Она коснулась своих вен. Она видела их — тонкие синие нити, по которым гулял яд. Химия, которую Варгас очевидно заливал в тело дочери месяцами, превратила её нервную систему в подобие разбитого зеркала. Она не могла даже сжать кулак с прежней силой — мышцы были атрофированы, а метаболизм разогнан стимуляторами до опасного предела.

Это тело было приговорено. Оно годилось для танцев на подиуме, для утех господ, но оно не могло выдержать даже простого рывка при перегрузках пилотирования. О космосе не могло быть и речи. В нынешнем состоянии она была бы раздавлена первым же маневром.

— Наркотики, — она коснулась пульсирующего нейро-порта на шее. — Он не просто держал меня на поводке. Он переписал биологию.

Анна прижалась лбом к холодному стеклу зеркала.

— Ничего, — прошептала она, глядя в свои глаза, в глубине которых теплилась тьма. — Я улечу…

Анна повернулась к крошечному окну.

«Рудник», — констатировала та часть её разума, что не принадлежала этому телу. — «Индустриальная свалка».

Она знала, где находится. Захра. Планета-шахта, сырьевой придаток Эдема. Она знала это, хотя биологическая память была выжжена болью. Информация текла к ней, как вода в низину, заполняя пустоты в архитектуре нового дома. Она знала, что за дверью этой палаты — мир, где человек стоит дешевле тонны необработанной руды, а слово Надзирателя весомее законов Империи.

Дикари. Индустриальное рабство, замаскированное под контрактные обязательства. Мир, где за падение выработки отрезают пальцы, а за неповиновение — скармливают обогатительным чанам.

Дверь палаты со скрипом открылась. Вошла женщина в сером комбинезоне техобслуживания. Лицо её было одутловатым от дешевых стимуляторов, а взгляд — пустым, как у списанного дроида. Она несла поднос с миской, от которой поднимался химический пар.

— Очнулась, — буркнула женщина, ставя поднос на тумбочку. Голос был лишен интонаций. — Ешь. Барон велел тебя на ноги поднять. День Выбора через три дня, а ты похожа на пустую породу.

Женщина с подносом нахмурилась, заметив этот взгляд.

— Чего пялишься? Жрать будешь или мне это обратно в столовую нести?

Анна медленно повернула голову. Движение было плавным, неестественно плавным для больного тела. Она посмотрела на женщину не как пациент на медсестру. Она смотрела на неё как на неисправный механизм. На расходный материал.

Внутри, за фасадом человеческих глаз, кто-то улыбнулся.

«Еда», — подумала Анна, и это слово имело двойной смысл.

Она взяла ложку. Рука дрожала от истощения и тремора, вызванного токсинами. Но когда металл коснулся губ, дрожь прекратилась. Движения стали выверенными. Она ела синтетиче-

скую кашу — безвкусную белковую массу — с той же методичной точностью, с которой императоры подписывают указы, капитаны вводят команды в свои корабли, солдаты нажимают на спусковой крючок своего оружия.

Женщина, помедлив, вышла, закрыв за собой магнитный замок.

Анна вспоминала историю этого мира. К горлу подступала едкая, горькая желчь. Анна сглотнула, пытаясь понять источник тошноты. Тело было отравлено. Ожог легких от рудного газа, интоксикация дешевыми стимуляторами, которые ей вкололи врачи, чтобы снять шок. Но этот физический позыв смешивался с чем-то куда более глубоким — с экзистенциальным отвращением к этому месту.

День Выбора на Захре не был праздником. Это был ежегодный акт слияния корпоративного капитала и первобытной жестокости, который местные называли "Аукционом Цветов", хотя цветами здесь и не пахло — в залах стояла вонь дорогого парфюма, маскирующего запах страха и немытых тел.

Традиция родилась из нужды. Эдем нуждался в дешевой руде, а Захра — в легитимности. Правящие дома Эдема, дипломаты из окрестных систем не женились на дочерях шахтерских баронов. Но им нужны были наложницы: экзотические, сломленные, благодарные за то, что их вытащили из радиоактивных нор.

Для Барона Варгаса отдать дочь в гарем — это не позор, а удачная сделка. Это налог, уплаченный плотью. Дочери на Захре рождались с балансовой стоимостью.

Она знала: у неё есть три дня. Три дня, чтобы найти способ очистить кровь и обмануть химию Барона, прежде чем её выставят на продажу. Она выпрямилась, заставляя дрожащее тело подчиниться. В зеркале отразилась уже не испуганная девочка. Взгляд стал жестким, расчетливым. Анна начала планировать. Ей нужна была диета, ей нужны были антидоты, и ей нужно было, чтобы Барон Варгас поверил, что его «товар» — самый ценный актив во Вселенной

***

Ночь на Захре была пропитана едким смогом, который просачивался даже сквозь системы фильтрации госпиталя. Анна знала: если она хочет выжить, ей нужно перестать быть пациенткой.

Анна дождалась, пока дежурный робот-санитар уедет в дальний конец коридора. Её шаги были бесшумными, хотя каждое движение отдавалось в висках острой болью. Она двигалась вдоль стены, прижимаясь к холодному металлу, чтобы скрыть дрожь в коленях. Её целью был склад медикаментов — сердце любого госпиталя.

Дверь склада была защищена простейшим электронным замком. Для обычного человека — непреодолимая преграда, для Анны — детская головоломка. Внутри пахло озоном, спиртом и синтетическим белком. Анна бросилась к полкам. Её глаза, привыкшие к темноте, быстро сканировали маркировки.

— Так... антидоты широкого спектра, — бормотала она, сбрасывая ампулы в карман больничного халата. — Нейро-стабилизаторы, блокаторы рецепторов удовольствия...

Она нашла то, что искала: концентрированный очиститель крови, используемый для рабочих шахт, которые подвергались облучению. Для обычного человека это был риск, для Анны — единственный способ вывести «коктейль» Барона Варгаса из организма. Это временная мера, но этого достаточно на первые 3-4 дня. Она добавила в свою «добычу» пакеты с высококалорийным нутриентом. Тело требовало топлива, чтобы начать восстанавливать атрофированные мышцы.

Вдруг в коридоре послышались тяжелые шаги. Кто-то приближался.

Анна замерла, вжавшись в стеллаж. Сердце колотилось в горле. Она понимала: если её поймают здесь, Варгас не станет ждать Выбора. Он просто убьет её.

Она схватила со стола скальпель, даже не осознавая, зачем. Её рука, еще секунду назад дрожавшая, вдруг замерла. В голове всплыла память опытного наемника, который выживал в подобных ситуациях сотни раз. Она не была слабой девочкой. Она была инструментом, который только что начал затачиваться.

Шаги стихли у самой двери. Анна задержала дыхание. Робот-санитар проехал мимо, его сенсоры на мгновение осветили щель в дверном проеме, но он не остановился.

Она выдохнула, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Схватив последний шприц с нейро-стимулятором, который она собиралась использовать для «перезагрузки» своих рефлексов, она выскользнула в коридор.

Вернувшись в палату, она не легла в кровать. Она села на пол, прислонившись к стене, и начала «процедуру».

Сначала — очиститель. Она ввела его прямо в вену, морщась от того, как состав обжигает сосуды. Затем — блокаторы. Она чувствовала, как химия Варгаса, которая должна была сделать её податливой, начинает нейтрализоваться. Это было мучительно. Тело билось в конвульсиях, сознание металось, пытаясь удержать реальность.

Она видела, как в полумраке палаты её кожа на мгновение покрылась испариной, как мышцы подергивались в судорогах. Это была цена её свободы.

Через час боль отступила, оставив после себя странную, звенящую ясность. Она поднялась. Руки больше не дрожали. Разум, еще минуту назад затуманенный наркотиками, теперь работал с точностью квантового процессора.

Она подошла к зеркалу. Глаза больше не были испуганными. В них поселился холодный, расчетливый блеск.

— Первый этап пройден, — прошептала она, глядя на своё отражение. — Завтра ты будешь выглядеть как послушная кукла.

Глава 2

Грязный мир

Утро на Захре началось с агрессивного гула двигателей за окном. Анна уже сидела на краю кровати, одетая в больничный халат, который она умудрилась подогнать по фигуре, затянув пояс так, чтобы подчеркнуть хрупкость, но не выдать возросшего мышечного тонуса. Она дышала ровно, глубоко, контролируя каждый вдох — техника медитации, которую изучали лучших имперских военных подразделениях.

Дверь распахнулась без стука. Барон Варгас ворвался в палату, словно шторм, принеся с собой запах дешевого одеколона и тревоги. Его глаза были красными от бессонницы, а кожа подергивалась — он явно провел ночь, подсчитывая убытки и угрозы.

— Вставай, — прорычал он, даже не глядя на неё. — Слуги ждут внизу. Ты едешь домой. У тебя есть сутки, чтобы привести себя в порядок, а потом мы едем на Выбор. Если хоть один из гостей заметит, что ты «не в себе»...

Он наконец перевел взгляд на дочь. Анна сидела, сложив руки на коленях, с идеально опущенной головой. Её плечи были слегка ссутулены, а взгляд устремлен в пол — классическая поза жертвы, которую он так долго лепил из неё.

Барон выдохнул, и это был звук сдувающегося шара. Нервозность, терзавшая его всю ночь, немного отступила. Он увидел то, что хотел увидеть: послушную, сломленную вещь.

— Ну, хоть выглядишь сносно, — буркнул он, подходя ближе. Он протянул руку, чтобы грубо схватить её за подбородок и осмотреть зрачки, как у лошади перед продажей.

Анна позволила ему это сделать. Она даже чуть подалась навстречу его руке, изображая трепет. Но внутри она была скалой. Она видела, как расширены его зрачки, как дрожат его пальцы, как он настолько поглощен собственной паникой из-за сделки, что не видит очевидного. Он не заметил, что её кожа больше не имеет болезненной бледности «наркотической эйфории». Он не заметил, что её дыхание — это дыхание хищника, затаившегося в зарослях.

— Ты не подвела меня, — сказал он, отпуская её лицо с небрежным пренебрежением. — Твоя мать была ошибкой. Бесполезная дура! Но ты... ты мой самый выгодный актив. Помни об этом, если в голове возникнут глупые мысли.

Анна подняла глаза. В них была лишь имитация послушания — пустой, зеркальный блеск.

— Я всё помню, отец, — ответила она. Её голос был тихим, ровным, лишенным дрожи, которая так радовала его раньше.

Барон не уловил перемены. Он лишь хмыкнул, довольный тем, что «товар» снова работает по инструкции. Он развернулся и зашагал к выходу, уверенный, что держит ситуацию под контролем.

— Поторапливайся, — бросил он через плечо. — Машина ждет.

Анна поднялась. Она двигалась плавно, с грацией, которая была чужда этому телу, но уже начинала становиться её естеством. Она смотрела на широкую спину Варгаса, и в её сознании уже выстраивалась траектория: как именно этот человек упадет, когда она решит, что он ей больше не нужен.

Она прошла мимо него, едва задев плечом. Барон даже не обернулся. Он был так занят своими страхами и жадностью, что не заметил, как по комнате прошла не его дочь, а безжа-

лостный хищник, чей интеллект давно перестал быть инструментом выживания и стал искусством.

Коридор госпиталя казался бесконечной, стерильной кишкой. Анна шла, чувствуя, как подошвы больничных тапочек бесшумно касаются холодного пола, но её мысли были далеко за пределами этих стен.

Захра. Архаичный кусок грязи, застрявший в зубах прогресса. Общество, которое, обладая технологиями межзвездных перелетов, застряло в ментальном средневековье.

Она наблюдала за слугами, которые суетились вокруг Барона: женщины в тяжелых, сковывающих движения одеждах, с опущенными взглядами. Здесь женщина не была личностью. Она была активом, который выращивали в инкубаторах гордыни, чтобы однажды выставить на аукцион.

Она видела, как в соседнем крыле проходили другие «подготовленные» девушки. Их глаза были пустыми — результат тех же нейро-блокаторов, что Варгас вливал в неё. Они были сломаны, чтобы стать идеальными слушательницами, чтобы быть зеркалами, в которых правители могли бы любоваться своей властью.

«Сколько крови пролито ради этих мест в гареме?» — думала Анна, проходя мимо охранников, чьи руки сжимали рукояти шоковых дубинок.

Кланы Захры вели бесконечную, невидимую войну. Они не стреляли друг в друга из пушек, они убивали конкурентов, «случайно» устраняя их дочерей перед Выбором, чтобы освободить место для своих. Отравить конкурентку, подстроить аварию…

— *Авария*, — протянул внутренний голос, препарируя это слово.

Анна никогда не видела свою биологическую мать — её память начиналась с потолка палаты и запаха медикаментов. Но для понимания анатомии капкана не обязательно видеть, как в него попала предыдущая жертва. Достаточно изучить зубья.

«Случайность», — мысленно выплюнула Анна.

Барон Варгас был мелкой рыбешкой, но даже он был готов продать жизнь своей крови, чтобы получить право сидеть за одним столом с теми, кто решает судьбу планет. Очевидно, и другие бароны не поскупились на кредиты, чтоб очистить путь своим дочерям — оплатить работу «случайного» техника или дозу катализатора в топливный бак. Устранение Анны открывало дорогу сразу нескольким наследницам из соседних шахт. Анна трезво оценивала свою внешность, лишенную ложной скромности. Даже по меркам Эдемских Садов, где генетика была искусством, её биологическая оболочка считалась бы эталоном. Чистая линия скул, не испорченная рудной пылью, густые волосы, которые не сожгла радиация, и та редкая, первобытная грация, которую нельзя купить за кредиты. Она была не просто активом

Анна вышла из госпиталя. У входа стоял лимузин — громоздкий, вычурный, символ власти, построенной на торговле плотью.

— Улыбнись, Анна, — пробормотал Варгас, не оборачиваясь. — Мы едем к поместью. Нам нужно подготовиться.

Анна улыбнулась. Это была холодная, расчетливая улыбка, которую Барон принял за признак покорности.

— Конечно, отец.

Лимузин Варгаса не был похож на те элегантные гравимобили, к которым привыкла. Это был бронированный сухопутный крейсер на магнитной подушке — тяжелый, герметичный бункер на колесах, созданный не для красоты, а для выживания.

Синтетическое стекло лимузина медленно поляризовалось, приглушая нестерпимый, белесый свет звезды Захры. Здесь не было ночи в привычном понимании — только вечные сумерки, затянутые рыжим маревом. Как только двери закрылись, отрезая Анну от вони госпиталя, фильтры климат-контроля с тихим свистом принялись за работу. Но даже сквозь трой-

ную очистку в салон просачивался запах: озон от перегретых магнитных катков, сладковатый привкус тяжелых металлов и густая, всепроникающая каменная пыль.

Анна смотрела в окно. Столица Захры не была городом в обычном понимании. Здесь не было стран, наций или защищенных мегаполисов. Была только Столица — расползающийся во все стороны гнойник, присосавшийся к единственному космопорту.

Они выехали из-под бетонного козырька госпитального блока прямо под открытое небо.

Здесь не было куполов. Люди Захры дышали этой отравой, потому что у них не было выбора. Атмосфера планеты была пригодна для жизни — формально. Кислорода хватало, чтобы не упасть в обморок на первой минуте, но он балансировал на нижней границе нормы. Настоящим убийцей была пыль.

Анна смотрела на прохожих. Даже в "элитном" секторе люди двигались пригнувшись, пряча лица за тяжелыми респираторами с угольными фильтрами. Их кожа... кожа была ценой, которую они платили за каждый вдох. У тех, кто пренебрегал защитой, она напоминала старый пергамент: неестественно серая, покрытая сеткой мелких язв и трещин, похожая на растрескавшуюся корку высохшего болота. Это был не загар и не болезнь. Это был панцирь. Организм, насмерть схватившийся с токсичной взвесью, пытаясь не пустить её в кровь.

Город был серым. Не благородным графитом имперского мрамора, а болезненным, мокрым цветом пепла. Здания не росли вверх — на Захре не было денег на настоящие небоскребы. Они росли вширь, вгрызаясь в скалистую породу. Массивные цитадели из неошпаклеванного бетона, покрытые толстым слоем жирной, маслянистой сажи, которая никогда не смывалась дождями, потому что дожди здесь были кислотными.

Лимузин качнуло. Они покинули пределы Столицы.

Путь до поместья Барона лежал через открытую пустошь. За окном проплывал пейзаж индустриального ада. Черные каньоны, на дне которых копошились механизмы, казались ранами в плоти планеты. Горизонт дрожал от восходящих потоков горячего воздуха над обогатительными фабриками. Небо было не голубым, а цвета застарелого синяка — фиолетово-желтым из-за перманентного смога, который никогда не рассеивался, создавая эффект вечного заката.

Здесь не было дорог в привычном смысле. Были только "магистрали" — утрамбованные до состояния камня участки, по которым бесконечным потоком шли автоматизированные караваны. Огромные, похожие на жуков-самоубийц, карьерные самосвалы везли миллионы тонн сырья. Они не останавливались. Они просто пожирали ландшафт и выплевывали прибыль в сторону Эдема.

Воздух снаружи был настолько густым от пыли, что силуэты машин казались размытыми тенями, плывущими сквозь густой суп. Анна видела, как мимо проносится патрульный гравицикл: двое солдат в тяжелых экзоскелетах, лица полностью скрыты шлемами. Без защиты их легкие превратились бы в кровавое месиво за неделю, а кожа слезла бы с костей, как старая перчатка.

Восточный карьер. Не парк, не сад, не район для знати. Просто дыра в земле, где фильтры вентиляции справляются с нагрузкой чуть лучше, чем в других дырах. Это идеально описывало статус Варгаса. Он не был аристократом Эдема, живущим среди фонтанов. Он был сторожем у самой глубокой ямы, который украл достаточно камней, чтобы купить себе герметичную коробку на колесах.

Анна откинулась на подушки. Внутри лимузина пахло дорогой кожей и озоном — жалкая попытка Барона имитировать роскошь. Но сквозь уплотнения дверей всё равно просачивался запах смерти.

«Голодная планета», — вынес вердикт её разум.

Глава 3

Перед Днем Выбора

Поместье Барона Варгаса находилось на дне Восточного карьера, в месте, куда солнечный свет почти никогда не попадал.. Это был особняк, построенный в стиле «тяжелого функционализма»: серый бетон, усиленный снаружи пластинами из переработанной брони старых грузовых кораблей. Варгас хотел, чтобы дом выглядел неприступно, но внутри он напоминал лавку старьевщика, одержимого жаждой роскоши.

Анна вошла в холл, и её встретил запах, который она запомнила навсегда: смесь дешевого синтетического ладана, машинного масла и резкого, кислого аромата дезинфекторов, которыми пытались скрыть запах нечистот.

Убранство «среднего класса» тирании:

Стены были обтянуты синтетическим бархатом неестественно фиолетового цвета, который уже местами протерся. Повсюду стояли трофеи: куски необработанной руды на постаментах, голографические дипломы о правах на разработку шахт и антикварные, но поцарапанные приборы для измерения чистоты драгоценных металлов. В углу, на почетном месте, висел старый клинок — символ принадлежности к местному «дворянству», который Барон явно купил на аукционе, чтобы придать себе веса.

Жизнь в доме была подчинена строгому, почти военному распорядку. Слуги — в основном, бывшие шахтеры, чьи долги перед Варгасом превратили их в вечных теней — передвигались бесшумно, опустив головы.

Анну отвели в её «крыло». Это была комната, которая одновременно служила и спальней, и операционной. Стены были выкрашены в мягкие пастельные тона, но за ними скрывались датчики слежения и медицинские системы. На туалетном столике стояли десятки флаконов: стимуляторы кожи, средства для отбеливания, духи, созданные на основе феромонов, призванных вызывать у мужчин неконтролируемое влечение.

— Твоя комната, — бросил Варгас, остановившись на пороге. — Здесь есть всё для подготовки. Завтра придут стилисты. Не смей покидать пределы крыла. Если датчики зафиксируют, что ты покинула в зону «безопасности» — получишь разряд, после которого будешь неделю пускать слюни.

Он ушел, громко хлопнув тяжелой дверью.

Анна осталась одна. Она подошла к окну, за которым виднелись гигантские терриконы — горы отработанной породы. Где-то там, внизу, тысячи людей работали по 16 часов в сутки, чтобы Барон мог купить себе право на Выбор. Она видела колонны грузовиков, которые везли руду, и понимала: это кровь планеты, которую выкачивали ради того, чтобы такие, как Варгас, могли играть в политику.

Весь этот дом был памятником ростовщичеству и рабству. Варгас не просто торговал людьми — он торговал «будущим». Он давал кредиты рабочим под такие проценты, что их дети становились его собственностью еще до рождения.

Анна опустилась в кресло, которое было слишком мягким, почти обволакивающим. Она начала изучать комнату. В углу она нашла скрытую панель управления — Варгас был достаточно глуп, чтобы оставить в комнате терминал для контроля «товара».

«Синтетический белок, нейро-блоки, охранный периметр», — пересчитывала она в уме все системы, которые поймал взгляд.

Она поняла, что этот дом — не просто тюрьма, это финансовый сейф. Где-то здесь Варгас хранил долговые расписки, которые связывали по рукам и ногам половину городского совета. Если она завладеет ими, она получит рычаг, который стоит больше, чем любая наложница.

Она не стала ложиться спать. Она начала тренироваться. Медленные, почти незаметные движения, растяжка, восстановление контроля над дыханием. Тело Анны ныло, но она заставляла его подчиняться. Она была архитектором, попавшим в разрушенное здание, и знала: чтобы восстановить конструкцию, нужно сначала укрепить фундамент.

Она подошла к зеркалу. На неё смотрела изможденная девушка с бледной кожей,

«Сломанный инструмент», — констатировал внутренний голос. — *«Но материал качественный».*

Анна знала правила этой игры. Побег с Захры своими силами был невозможен. Космопорт контролировался правительством этого мира, а любой нелегальный корабль сгорел бы в атмосфере или был бы выпотрошен патрулем на орбите. У неё не было союзников, не было денег, не было даже чистой воды.

Единственный шаттл, который вылетал с этой планеты по расписанию и с гарантией безопасности, принадлежал местной транспортной компании.

Её план был прост и отвратителен: **нужно было стать товаром высшего сорта.** Если её купит Эдем — она окажется в центре Империи, под защитой их законов (насколько они вообще распространяются на наложниц). Если её выберет кто-то из лояльных инопланетных рас в качестве «ритуальной супруги» — она окажется в их пространстве, где влияние Варгаса равно нулю.

Это был билет в один конец. Но это был *билет*.

Однако существовала и вторая переменная в этом уравнении. Анна знала, что Варгас — не самая мелкая рыбешка. Его амбиции простирались дальше местных карьеров, но его связи были ограничены Захрой. Он выставит её на торги не только для Эдема. В списке покупателей будет местная знать, в том числе местный Правитель.

Она знала, что делают с «женами» в таких домах. Медленное гниение. Отсутствие медицины. Постоянное впрыскивание дешевых наркотиков, чтобы подавить волю. Жизнь, которая была хуже смерти, потому что она никогда не заканчивалась. Клетка, инкрустированная местным золотом, оставалась клеткой.

«Смерть — самый эффективный метод побега», — холодно отметила Анна. — *«Если конечная точка маршрута — ад, крушение корабля является приоритетным протоколом».*

Она просто попросит его завтра утром дать ей списки гостей:

— Отец, — её голос прозвучал в тишине комнаты ровно и мелодично, — я хочу знать, кто будет присутствовать на Выборах. Мне нужно... подготовиться. Настроиться на их... вкусы.

Она знала, что он не откажет. Тщеславие не позволит ему скрыть от «дочери» масштаб его триумфа. Он захочет похвастаться, какие важные люди придут смотреть на его товар. Он даст ей список.

Она сделает всё, чтобы попасть на Эдем. Но если в списке, который он ей принесет, не окажется никого, кто мог бы вывезти её с Захры в высшие сферы... она просто убьет себя. И в момент смерти её сознание просто скользнет в Пустоту, оставив Барона с бездыханным телом и огромным долгом перед теми, кто ждал этот товар.

В ту ночь, глядя в окно на грязные огни периметра Восточного карьера, Анна не чувствовала себя пленницей. Она чувствовала себя хищником, который изучает повадки своей добычи, прежде чем нанести удар. Барон Варгас еще не знал, что под его крышей поселилась не просто дочь, а сама смерть, облаченная в шелк.

***

Утро "Выбора" началось задолго до рассвета. Поместье Варгаса превратилось в муравейник: слуги носились с тяжелыми подносами, воздух был густым от испарений ароматических масел и дешевого парфюма, которым Барон пытался скрыть запах своей жадности.

В комнату Анны ввалилась бригада стилистов — три существа с серыми, безжизненными лицами, чьи пальцы были оснащены микро-инструментами для татуажа и коррекции кожи. Они не спрашивали, они действовали. Их руки порхали над телом Анны, как крылья насекомых, втирая в кожу составы, которые должны были придать ей фарфоровую бледность, и нанося на веки сверкающую пыльцу.

Анна сидела неподвижно. Она позволяла им превращать себя в куклу, мысленно анализируя каждое их движение. Это была не просто косметика — это была броня, скрывающая её истинную суть.

— Выбирай, — приказал Барон, войдя в комнату. Он указал на голографическую стойку, где вращались варианты нарядов. — Сегодня ты — главный актив моего бизнеса. Ты должна выглядеть так, чтобы у них слюнки текли, а кошельки раскрывались сами собой.

Анна поднялась, пройдясь мимо вереницы нарядов. Одно платье было пышнее другого: тяжелый бархат, расшитый искусственными жемчугами, корсеты, которые сдавливали ребра до хруста. Все они кричали о статусе владельца, но были скучными, предсказуемыми.

Её взгляд упал на вещь, спрятанную в самом дальнем углу — почти провокационный, вызывающий наряд.

Это было не платье.

Это была иллюзия одежды. Издалека силуэт напоминал классическое вечернее облачение, но вблизи становилось ясно: ткани не было. Наряд состоял из миллионов микроскопических звеньев белого золота, нанизанных на нити речного жемчуга, создавая тончайшую, гибкую кольчугу. Сплетение цепочек на груди и бедрах имитировало кружево, но это было кружево из проволоки.

Металл был обработан так, чтобы не блестеть, а мягко поглощать свет, из-за чего кожа Анны под ним казалась фарфоровой и почти светящейся. Это была вторая кожа. Броня, которая выглядела как нижнее белье.

— Это, — сказала она, указывая на кольчугу.

Стилисты ахнули. Барон замер, его лицо вытянулось. — Это... это слишком откровенно даже для Захры. Это наряд для... для рабыни, которая должна танцевать на цепи. Ты же замерзнешь. И он... он же ничего не скрывает.

Анна не стала спорить. Она опустила голову в жесте, который можно было принять за стыд или покорность, но её пальцы в этот момент сжались в кулак так, что побелели костяшки.

— Простите мою дерзость, отец, — её голос прозвучал тихо, почти шепотом, но в этой тишине было больше власти, чем в крике. — Я просто подумала... Элитам Эдема нужны украшения для балов.

Барон моргнул. На долю секунды его взгляд изменился. Жадность в его глазах смешалась с холодным, липким страхом. Ему на мгновение показалось, что перед ним не его травмированная дочь, а бухгалтер, который только что просчитал его годовой доход и нашел ошибку. Она говорила не как жертва, готовящаяся к продаже, а как брокер, оценивающий свой собственный лот.

Он сглотнул, отгоняя наваждение. Глупости. Просто девчонка оказалась чуть хитрее, чем он думал.

— Слишком рискованно, — буркнул он, отворачиваясь, чтобы скрыть секундную неуверенность.

— Отец, — Анна сделала крошечный шаг к нему, её голос стал еще тише, почти интимным. — Позволь мне примерить этот наряд.

Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах была только мольба послушной дочери, желающей угодить. Но Барон, сам того не осознавая, уже проигрывал эту битву. Логика бизнесмена отступила перед первобытным инстинктом.

— Примерить... — прохрипел он, кивая стилистам. — Живо.

Когда она надела наряд, холодный металл коснулся кожи, мгновенно принимая температуру её тела. Жемчужины легли точно по линии ключиц. Наряд ощущался как прикосновение паутины — невесомый, но Анна знала, что разорвать эту «ткань» невозможно.

Она подошла к зеркалу. Проволочное кружево создавало оптическую иллюзию: если стоять далеко, казалось, что на ней надето струящееся платье. Но стоило сделать шаг, как воздух колыхнул звенья, и платье «рассыпалось», обнажая тело в паутине белого золота.

— Ты выглядишь... — голос Варгаса дрогнул. Он прочистил горло, пытаясь вернуть себе деловой тон, но в его глазах уже плескалась неприкрытая, животная похоть. — Ты выглядишь как богиня, которую можно купить.

Он забыл об узах крови. За такую женщину он сам был бы готов отвалить состояние. Он почувствовал жар внизу живота и сжал челюсти, злясь на собственную слабость.

— Благодарю за комплимент, отец, — ровно ответила Анна.

— Ты умна, — прохрипел он. — Слишком умна для дочери шахтера. Иногда я смотрю на тебя и вижу... чужую.

— Я просто хочу быть выгодной инвестицией, — ровно ответила Анна. — Кстати об инвестициях. Кто будет покупать?

Она подошла к его терминалу, пока стилисты отвлеклись на шнуровку. Её пальцы забегали по панели. — Мне нужно знать их профили. Их предпочтения. Я должна знать, кому кланяться, а на кого смотреть с вызовом. Дай мне список, отец. Я хочу видеть имена.

Варгас хмыкнул, но подошел ближе, вводя свой код доступа. Голографический экран вспыхнул, разворачивая свиток покупателей.

Анна скользила взглядом по строчкам. Дом Крой... Дом Мортимер... Эдем. Делегация Садов... (Смерть. Всё это — медленная смерть). Её сердце билось ровно, как метроном. Она была готова к любому из этих вариантов.

Её палец замер на экране. Дыхание, которое она контролировала так долго, вдруг перехватило.

Делегация Болот. Раса Каа. Председатель Каа У.

Мир вокруг перестал существовать.

Это была самая живая эмоция с того момента, как она очнулась в госпитале. Сердце, привыкшее к холодному ритму Скитальца, вдруг ударило в ребра с такой силой, что на мгновение потемнело в глазах. Горячая, обжигающая волна адреналина смыла серый налет Захры, смыла усталость и боль. Она вцепилась в край терминала, чтобы не упасть.

Каа У.

Старый друг.

Анна закрыла глаза, и её губы растянулись в улыбке — настоящей, хищной, лишенной всякого человеческого притворства.

— Идем, отец, — Анна направилась к выходу, чувствуя, как золото звякает при каждом шаге. — Пора показать им, сколько стоит моё будущее.

Она знала: сегодня вечером она покинет эту планету. И в этом наряде, с этой улыбкой, она была готова забрать Варгаса с собой, если это потребуется.

Глава 4

Аукцион цветов

Зал «Выбора» представлял собой грандиозный амфитеатр, вырубленный в недрах скалы. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным озоном и ароматами редчайших благовоний, привезенных с окраин сектора. Свет прожекторов выхватывал из темноты ряды подиумов — это была иерархия, выстроенная в камне.

Чем ближе к центру, тем выше и роскошнее были платформы. Там, в самом сердце амфитеатра, на возвышении, облицованном черным обсидианом, восседал Правитель Захры. Вокруг него располагались подиумы для «элиты»: здесь стояли девушки, чьи отцы потратили состояния, чтобы выкупить право быть замеченными первыми. Это была зона абсолютного влияния, где торговались не просто за красоту, а за будущее планетарных секторов.

На дальних, тускло освещенных террасах, теснились платформы попроще. Там стояли дочери мелких чиновников, лавочников и управляющих шахтами. Они были красивы, но их красота была «вторичной» — их отцы заранее смирились с тем, что их дочери достанутся лишь помощникам министров или младшим офицерам флота.

Варгас вел Анну сквозь толпу, его плечи были расправлены, а на лице играла маска триумфатора. Он не просто урвал место — он совершил невозможное. Благодаря своей наглости и связям с Синдикатом, он выторговал место на «Дипломатическом ярусе». Это была зона, где располагались представители инопланетных делегаций.

— Смотри и учись, — прошипел Барон, когда они заняли свое место на платформе, соседствующей с ложей Каа. — Здесь решается всё.

Девушка стояла неподвижно, как изваяние. На ней было золото, которое казалось почти осязаемым в свете прожекторов. Она чувствовала, как на неё смотрят сотни глаз. Она видела, как внизу, на «дальних подиумах», девушки, накачанные наркотиками, едва удерживались на ногах, покорно ожидая своей участи. Это было похоже на рынок скота, возведенный в ранг государственного ритуала.

Анна перевела взгляд на ложу Каа. Жабоподобные существа сидели неподвижно, словно высеченные из камня статуи. Их огромные, влажные глаза медленно, безэмоционально перемещались по залу, фиксируя каждую деталь. Они не участвовали в грязных торгах, не вытирали пот со лбов, как остальные бароны. Они просто наблюдали.

Анна видела, как другие кланы, пресмыкаясь, пытались заигрывать с ними, предлагая своих самых красивых дочерей, но Каа оставались холодными. Для Варгаса они были просто уродливыми статуями.

— Видишь? — Барон толкнул её локтем в ребра, его горячее, пахнущее синтетическим вином дыхание обожгло ей шею. — Они никого не выбирают. Считают это ниже своего достоинства. Прилетели просто чтобы показать свое превосходство и выпить нашего кислорода.

Он сплюнул на пол, не скрывая презрения.

— Но ты... ты их заинтересовала. Я видел, как этот старый урод посмотрел на тебя.

Анна заставила себя сохранить маску покорности, но внутри неё всё похолодело.

«*Каа У*», — мысленно потянулась она, вкладывая в этот импульс не слова, а чистый сгусток узнавания. — *«Я здесь, старый друг»*.

Она знала тайну этой расы. Люди считали их просто мудрыми, медлительными дипломатами. Но мудрец внутри неё помнил иное. Каа общались не звуками. Их разум был открыт

для тех, кто умел слушать. Они скрывали свою истинную природу — способность к полному ментальному слиянию — ото всех во Вселенной, чтобы не стать оружием или рабами.

Она ждала ответа. Ждала малейшего ментального колебания, эха, которое подтвердит: *«Я слышу тебя. Я знаю, кто ты»*.

Огромный, неподвижный глаз Каа У в ложе на мгновение замер. Его зрачок, вертикальная щель, медленно сфокусировался на ней.

И в этот момент Варгас снова толкнул её. — Выше подбородок. Покажи им зубы. Пусть думают, что ты дикарка.

Анна вздрогнула, возвращаясь в реальность. Связь прервалась. Каа У моргнул — медленно, тяжело, как древняя рептилия — и снова стал просто «старым уродом» в глазах Барона.

Но Анна знала. Он услышал. Она посмотрела на Варгаса, и в её глазах на долю секунды промелькнул такой холод, что Барон невольно отшатнулся, не понимая причины внезапного озноба.

Она позволила ему развернуть себя к ложе местной знати, но её разум всё ещё вибрировал от отголоска того ментального касания.

Анна молчала. Она видела, как в ложе напротив, где сидели представители Синдиката, за ней наблюдают через оптические приборы. Мужчины жадно пожирали её глазами.

— Не бойся, — шепнул Варгас, всё еще не понимая, что его «товар» уже начал свою игру. — Просто стой и сияй.

Анна медленно повернула голову к Каа У. Она знала, что он видит её. Она видела, как его глаза на мгновение сузились — едва заметный знак, понятный только им двоим.

«Помоги мне», — подумала она, чувствуя, как внутри неё пробуждается холодная ярость.

Зал замер, когда Каа У медленно поднялся со своего массивного кресла. Его движение было плавным, почти гипнотическим, несмотря на грузную фигуру. В амфитеатре воцарилась тишина — в зоне дипломатов не принято перебивать представителей клана Каа.

Каа У сделал шаг к краю платформы, его огромные, золотистые глаза устремились прямо на Правителя Захры, восседающего на троне из переработанного титана.

— Великий Правитель, — голос Каа У, усиленный акустикой зала, прокатился по амфитеатру подобно грому. — Мой народ долго искал символ, способный скрепить узы между нашими мирами. Мы не ищем наложниц для удовольствий. Мы ищем ту, чья кровь и дух достойны стать мостом между нашими цивилизациями.

Он медленно вытянул перепончатую руку, указывая когтем на подиум, где застыла Анна.

— Я прошу одобрения на ритуальный брак с этой девой. Это будет не сделка, это будет союз, который откроет Захре доступ к нашим торговым путям и технологиям очистки руды.

Зал взорвался. Это был не просто ропот — это был вопль изумления, смешанного с завистью. Ритуальный брак с Каа значил для любого клана Захры статус, равный богам. Это был «джекпот» всей планетарной экономики. Барон Варгас, стоявший рядом с Анной, побледнел, а затем его лицо пошло пятнами от неконтролируемого восторга. Он уже представлял себя в центре власти.

Правитель Захры, скучающий мужчина с лицом, изъеденным бесконечными интригами и омолаживающими процедурами, подался вперед. Он с любопытством рассматривал девушку, которая стояла так невозмутимо, словно не её судьбу сейчас решали в этом гадюшнике.

— Ритуальный брак? — Правитель усмехнулся, и его голос прозвучал с ноткой искреннего удивления. — Неожиданно. Каа обычно не проявляют интереса к таким… обычаям. Что ж, я одобряю. Но скажи мне, почтенный Каа У, кто эта дева, чья красота затмила сегодня всех?

Он прищурился, вглядываясь в голографические проекции, которые тут же вывели лицо Анны на главный экран зала.

— Анна Варгас, — произнес Каа У.

Правитель на секунду замолчал, а затем по залу пронесся смешок. Он перевел взгляд на Барона Варгаса, который, дрожа от счастья, пытался изобразить глубокий поклон.

— Варгас? — Правитель рассмеялся, и этот смех эхом отразился от стен. — Поразительно. Барон, ты сегодня совершил величайшую сделку в истории нашего мира, но, боюсь, ты останешься с пустыми карманами. В ритуальном браке с Каа не предусмотрены «откаты» и денежные выплаты за невесту.

Барон, чья улыбка на мгновение застыла, поспешно забормотал:

— Для меня честь... величайшая честь послужить процветанию планеты, мой Правитель!

— Вот именно, — Правитель снова повернулся к Каа У, его глаза блеснули холодным интересом. — Ты ничего не заработаешь на этой сделке, Барон, но ты послужишь на благо родной планеты. И, поверь, это гораздо почетнее, чем твои грязные кредиты.

Анна стояла, слушая этот фарс, и её губы едва заметно дрогнули. Она видела, как Барон сжимает кулаки, пытаясь скрыть ярость из-за того, что его «товар» уходит из рук бесплатно. Но он был бессилен. Она видела, как делегации других миров смотрят на неё с ненавистью — они проиграли.

Она была свободна. Статус ритуальной жены давал ей неприкосновенность, право передвижения и, что самое важное, доступ к транспортным путям Каа, которые вели прямиком к Войду.

— Она моя, — повторил Каа У, и этот тон не оставлял места для споров. — Мы забираем её немедленно.

Правитель махнул рукой, давая знак страже. Анна сделала первый шаг навстречу Каа У. Она знала, что как только она покинет этот зал, начнется настоящая игра. И в этой игре она больше не была пешкой.

***

Традиция «Ритуальных жен». В Галактическом реестре это значилось как «Дипломатический союз с биологическим закреплением». Человечество, стремясь пустить корни в Галактике и получить доступ к технологиям древних рас, нашло изящный выход. Когда оружие и материальны богатства не работали, в ход шла плоть.

Это был аналог древних династических браков Терры, но возведенный в абсолют космического абсурда. Представители человеческой аристократии — почти всегда женщины из-за их репродуктивной символической ценности — выдавались замуж за существ, с которыми у людей не было ничего общего.

Ни о какой близости в человеческом понимании не могло быть и речи. Физиологическая несовместимость большинства видов делала это биологически невозможным, а порой и смертельно опасным. Жена-Человек для Расы-Каа была лишь экзотическим украшением дворца, живым тотемом, подтверждающим статус союза. Для человека же это был билет в высшую лигу. Статус «Ритуальной жены» давал дипломатический иммунитет, доступ к ресурсам расы и, что самое главное, — гарантированный вылет с планеты. Анна стала частью их пантеона, а значит, местные бароны больше не имели на неё прав.

Анна знала, что в исторических архивах шептались об исключениях — редких случаях биологической конвергенции, когда союз порождал чудовищ или богов. Но она в это не верила. А вот обратное Анна видела много раз. Иногда традиция «ритуальных жен» использовалась преступными синдикатами как идеальная лазейка в законе. Традиция была лишь ширмой для самого грязного бизнеса. Молодые девушки — часто похищенные или проданные собственными семьями за долги — продавались в элитные межвидовые бордели. Местная администрация, получив свою долю, официально оформляла это как «брак». По факту же это была просто сделка между сутенером и извращенным покупателем. Очень часто девушки не доживали до утра — сексуальный контакт с представителями других рас мог быть физически и морально травматичен, а зачастую просто смертелен. Убийство жестоко каралось в большинстве миров.

Однако смерть «новоиспеченной супруги» — это трагическая случайность. Ни один офицер из Имперской гвардии не считал благородным или выгодным расследовать «дипломатический инцидент частного порядка». Девушка просто «не адаптировалась к атмосфере» или «не перенесла гравитацию». Тело списывали, брак аннулировали, а преступный синдикат получал свои кредиты за поставку экзотического товара.

Но Анне благоволила сама судьба.

Как только двери транспортной капсулы сомкнулись, отрезая делегацию Каа от ревущего Зала Выбора, герметичный контур зашипел, выравнивая давление. В тесном пространстве повис запах озона, влажной земли и чего-то неуловимо соленого — родной аромат Болот.

Каа У издал глубокий грудной звук, напоминающий кваканье обычной жабы, но вибрация была такой силы, что обшивка капсулы едва заметно задрожала. Это был чистый, звонкий, почти гомерический хохот. Огромные, немигающие глаза с горизонтальными зрачками смотрели на неё не с похотью, как у остальных, а с чистым, детским восторгом.

— Не ожидал, что простой визит на местечковое событие сведет меня со старым другом, — наконец выдохнул он, откидываясь на мягкую спинку сиденья. Его жаберные щели ритмично пульсировали. — Ты... помолодела. Дочь барона? Вот уж необычная личность тебе выпала!

Анна позволила себе расслабить плечи. Напряжение, державшее её стальной хваткой последние сутки, начало медленно отпускать. Она позволила себе слабую, человеческую улыбку.

— Спасибо. Пусть Великое Болото никогда не пересохнет. Сами Боги свели меня с тобой. Я бы правда была готова перерезать себе глотку, если бы вечер закончился неудачно.

Каа У наклонил голову. Уголок его широкого рта дернулся вверх. Он видел её насквозь — видел не девушку, а Скитальца, готового к прыжку.

— Чем я могу помочь тебе? — его голос стал ниже, теряя нотки веселья. Теперь это был тон равного, говорящего с равным.

Анна посмотрела на свои руки — тонкие, бледные пальцы на фоне золотого плетения платья казались почти прозрачными.

— Мне нужен корабль. Чтобы покинуть эту систему. И команда.

Каа У замер. Его массивное тело, скрытое под складками церемониальных одежд, на мгновение стало казаться еще больше, заполняя собой капсулу.

— Такая просьба слишком оскорбительна для меня, — произнес он ровно. — Ты вправе просить у меня целые звездные системы. Твоя просьба — ничтожна.

— Мне не нужны системы, — мягко возразила Анна. — Мне нужно, чтобы ты просканировал людей. Мне нужен *твой дар.*

Каа У долго молчал. В тесном пространстве капсулы снова повисла тишина, нарушаемая лишь гулом магнитных рельсов. Он смотрел на неё, и в его древнем разуме шел процесс вычислений, недоступный человеческому пониманию.

— Это... приемлемо, — наконец пророкотал он. — Я *прочитаю* тебе любого.

Глава 5

Астероид Аджаха

Барон не мог больше находиться в Зале Выбора. Это был позор. Оглушительный, звенящий в ушах разорением.

Он потратил баснословные деньги за этот мраморный пьедестал, на котором она стояла. Он рассчитывал как минимум на щедрую плату за свою дочь — баснословные кредиты, которые залатают дыры в бюджете Восточного карьера. Как максимум — подложить её в гарем к нужным людям, чтобы через её постель, через её «случайные» обмолвки выведывать тайны правящих элит, влиять на решения. Это была инвестиция.

Вместо этого — ритуальный брак. Благотворительность. Жест вежливости, выгоду от которого получит вся планета, но не его личный счет. Барон не был альтруистом; любым своим поступком он желал получить осязаемую, звенящую в руках выгоду. Все на Захре это знали, и от того унижение было стократ сильнее.

Эда девчонка и мерзкая жаба!

Ярость клокотала в горле, требуя выхода. Он не просто потеряет лицо — он потеряет рычаги давления. Если Каа заберут её, она станет недосягаемой. Но он не позволит. Он непременно отомстит. Он готов проследовать за ними аж до самых Болот, чтобы оспорить контракт, найти лазейку, устроить скандал. Он — Барон Варгас, а не нищий с нижних уровней!

Барон резко развернулся, и тяжелые полы его камзола взметнули облачко пыли с пола. Он буквально выбежал из зала, расталкивая плечами менее удачливых просителей, и направился к своему экипажу.

Как только герметичные двери лимузина сомкнулись, отрезая его от чужих взглядов, Варгас сорвал с шеи душный воротник.

— В офис! — рявкнул он водителю. — Живо! Восточный карьер!

Ему нужно было залить пожар унижения властью. Нужно было дать распоряжения управляющему, посмотреть, как суетятся рабочие в пыли, почувствовать, что хоть кто-то на этой проклятой планете всё еще дрожит при звуке его имени.

Но, отдав первые приказы по комму и глядя на серые терриконы за окном, он понял, что этого мало. Им овладела лихорадочная потребность действовать. — В космопорт! — приказал он, меняя маршрут на ходу.

По дороге он активировал личный терминал, на ходу запросив разрешение на вылет. Ответ пришел мгновенно, сухой и безэмоциональный: "Отказано. Ваш статус не является приоритетным. Очередь на вылет — 14 стандартных часов".

Варгас ударил кулаком по подлокотнику. Четырнадцать часов! За это время они успеют добраться до орбиты, состыковаться с дредноутом Каа и исчезнуть в пустоте.

Его разум лихорадочно перебирал правила. Каа точно прилетели на большом корабле — их тени заслоняли звезды. Посадка таких махин в захринский космопорт физически невозможна, порт просто не выдержит веса их щитов. Значит, эта соплячка должна отправиться на стыковочный астероид Аджаха — единственную точку перехода.

Она не сможет покинуть систему просто так. Не оформив документы.

Варгас хищно оскалился. На Захре бумажная волокита была вторым воздухом. «Ритуальный брак», — думал он, сжимая подлокотник до побеления костяшек. — Это не просто

подпись. Это регистрация в Имперском реестре. Изменение гражданского статуса. Без официальной эмансипации или без сопровождения отца — опекуна, Анну не выпустят из системы. Автоматические таможенные дроны заблокируют корабль на старте.

У него есть время. У него есть закон. Он не мог соревноваться с древним разумом Каа в интригах, но в бюрократии Захры ему не было равных. Он заблокирует им каждый шлюз. Он заставит их ждать. И когда девчонка поймет, что застряла на астероиде без корабля, она сама приползет к нему на коленях.

***

Анна сидела в глубоком кресле транзитного катера, пристегнутая ремнями безопасности. За бронированным иллюминатором проносились огни стыковочного астероида «Аджаха» — серые, ржавые, пульсирующие в такт работе гигантских насосов. Контраст между этой промозглой грязью и тем, что её окружало, был почти болезненным.

Внутри катера царила атмосфера древнего храма. Воздух был густым, влажным и пах озоном, прелой листвой и чем-то сладковато-едким — запахом Великой Топи. Каа У восседал напротив. Его массивное тело покоилось в гравитационном ложе, созданном специально под его анатомию. Он не смотрел на неё — его огромные, немигающие глаза с вертикальными зрачками были прикованы к темной жидкости в его бокале.

Перед ними на низком столике стояло выдержанное вино с Болот Ма. Напиток стоил столько, сколько Барон Варгас не заработал бы за десять жизней. Анна не притрагивалась к своему бокалу. Она просто сидела, позволяя ремням впиваться в плечи, и впервые за трое суток позволила мышцам лица расслабиться, сбрасывая маску «дочери барона». Золотое плетение платья холодило кожу.

Каа У сделал крошечный глоток. В наступившей тишине звук его глотка — влажный, глубокий, похожий на работу поршня — показался оглушительным. Он медленно опустил бокал. Его жаберные щели затрепетали, считывая состав вина.

— Я испытываю великую скорбь, что не могу помочь тебе чем-то большим, — пророкотал он. Его голос вибрировал в костях Анны. В нем не было лести, только тяжелая, как базальт, древняя усталость. Он предлагал ей звездные системы, а она попросила лишь прочитать мысли смертных.

Анна наконец пошевелилась. Ремни с тихим шипением ослабли. Она посмотрела на свои руки — на бледные пальцы, которые всё ещё помнили холод металла на пьедестале.

— Это мой путь, — тихо ответила она. — Моя ноша.

Каа У издал звук, похожий на скрежет камней на дне реки. Он не смеялся, это было признание. Он видел тяжесть того, что она несла. Он видел Пустоту, которая дышала ей в затылок.

— Пустота поглотит тебя, — констатировал он. Это не было угрозой или предупреждением. Это был прогноз погоды. Неизбежный, как восход солнца. Для существа, живущего тысячелетиями, её борьба казалась лишь вспышкой спички в урагане.

Анна закрыла глаза. На мгновение она позволила себе почувствовать этот холод из бездны. Но когда она открыла их снова, в глубине зрачков Скитальца вспыхнул холодный огонь.

— Но пока этого не произошло, — её голос стал тверже, в нем зазвенел металл, — я буду бороться.

Каа У смотрел на неё долго, очень долго. В тесном пространстве катера его массивное тело, казалось, поглощало весь кислород. Его огромные, влажные глаза с горизонтальными зрачками не моргали, анализируя не её слова, а ту Пустоту, что клубилась за ними.

Затем он медленно, с невероятным достоинством, наклонил свою огромную голову. Это был поклон. Не жест вежливости, а признание статуса. Древний ящер склонился перед Скитальцем.

— Я распорядился, — его голос снова стал низким, вибрирующим, но теперь в нем не было праздности, только деловая хватка. — На Аджаха мы возьмем корабль и соберем команду. Мой секретарь уже подготовил документы о браке.

Каа У плавно, почти гипнотически, выдвинул из своего рукава тонкую пластинку темного металла. — Имперская лицензия на союз. Здесь стоит моя печать. А здесь, — он коснулся пальцем угла пластинки, и та едва заметно засветилась, — моя подпись. У тебя будут права совершать любые действия от моего имени. Это не даст тебе полных прав собственности на мое имущество, но развяжет твои руки. Для чиновников ты — моя воля.

Анна приподняла бокал, благодарственно кивнула. Жидкость внутри была густой, цвета старого янтаря или темного гречишного меда. Когда она слегка взболтала вино, по стенкам стекла потянулись "ножки" — медленно, тягуче, как смола. Она сделала глоток.

Это не был вкус инопланетной экзотики. Это был вкус солнца. В нем была сладость спелой сливы, легкая осенняя горечь и та самая, едва уловимая кислинка. Поразительно, как пасмурные, вечно гниющие болота Ма могли породить настолько тонкий, откликающийся в памяти вкус.

Каа У не торопил её. Он просто ждал, пока вибрация его жаберных щелей не выровняется.

— Тебе нужен капитан, — пророкотал он.

Анна поморщилась.

— Я знаю, что ни один капитан в этом секторе не сравнится с тобой, — продолжила она, и в её голосе впервые прорезалось раздражение. — Но даже мое имя не позволит идти против законов Империи. Анна Варгас — несовершеннолетняя дочь барона с Захры. Она не может управлять межзвездным кораблем по законам всех обитаемых секторов.

Она поставила бокал на столик. Звук был резким.

— Так же тебе нужна охрана и инженер, — закончила она уже спокойнее. — Те, кто не задаст лишних вопросов.

Каа У издал звук, похожий на скрежет камней. Это было одобрение. Он ценил, когда планы строились с учетом слабых мест системы.

Анна кивнула. Её плечи, всё затекшие от тяжсти золотых цепей платья, едва заметно опустились..

— Спасибо тебе, друг.

— Спасибо мало, — Каа У снова потянулся к своему бокалу, и его трехпалый, перепончатый кулак на фоне изящного хрусталя выглядел как кусок первобытной скалы. — Я хочу еще так выпить с тобой вина. И послушать еще истории твоих скитаний.

Станция «Аджаха» на одноименном астероиде напоминала механического спрута, вцепившегося в скалу мертвой хваткой. Уродливый нарост из бетона и переработанного металла, она не имела ничего общего с архитектурной эстетикой центральных миров. Её строили инженеры, которым платили за кубометры, а не за красоту.

От центрального хаба во все стороны тянулись массивные переходы — стыковочные щупальца. Это были гибкие, многосуставчатые конструкции из графена и титана, похожие на механических змей. Они лениво шевелились в вакууме, обнимая торговые баржи, высасывая из их трюмов контейнеры с рудой.

Таможенные доки здесь не знали слова «приветствие». Это был конвейер смерти для контрабанды: рентгеновские лучи, прожигающие сталь, ионные сканеры, проверяющие состав сплава, и вооруженные до зубов патрули, для которых любой пассажир был потенциальным грузом.

Административный центр жил в своем ритме — ритме грузового хаба. Это был лабиринт из серых коридоров, гудящих серверных и прокуренных кабинетов, где воздух пах озоном и дешевым табаком. Здесь не принимали политических решений. Здесь подписывали накладные.

Это был нервный узел, через который кровь Империи — тяжелое рудное сырье — текла в её промышленные артерии.

Захра была индустриальной свалкой, которую Империя использовала, пока та давала руду, и собиралась выбросить, как только запасы иссякнут. В развитие этой планеты никогда не вкладывались кредиты. Здесь не строили университетов, театров или парков. Здесь были только карьеры, обогатительные фабрики и трущобы, слепленные из ржавчины и отчаяния. Инфраструктура держалась на честном слове, молитвах и заплатках из переработанного мусора.

На Захру не доставляли товары массового потребления. Имперские транспорты привозили только самое необходимое, чтобы поддерживать жизнь в этом аду: медикаменты, базовую технику, сырье для пищевых синтезаторов.

Элита Захры жила в роскоши, но эта роскошь была позавчерашним днем. Пока на столичной планете Эдеме меняли интерьеры каждый сезон, местные бароны дрались за право обладать вещами, вышедшими из моды в центре Империи десять лет назад. Их одежда была сшита из тканей, списанных в модных домах Эдема. Их вино было тем, что столичные сомелье давно вылили бы в утилизатор. Их технологии были тем, что в метрополии считали устаревшим хламом.

Для жителей Захры астероид Аджаха был и вратами в ад, и дорогой в лучший мир. Единственный шлюз, ведущий прочь от этой планеты. Мальчишки, выросшие в пыли карьеров, мечтали о станции.. Она была маяком. Легендой. Родители шептали им перед сном: «Учись, сынок. Будешь хорошо учиться — тебя заметят. Заберут наверх».

И они мечтали. Они чертили схемы кораблей на пыльных стенах бараков и представляли, как шагнут из шлюза прямо в объятия Империи. Они верили, что Аджаха — это билет в один конец. В лучший мир.

Правда встречала их у самого трапа, когда они, наконец, получали заветное назначение.

Оказывалось, что «лучший мир» — это бюрократическая мясорубка. Они попадали в искусственное освещение и синтезированную атмосферу станции, которая пахла озоном, машинным маслом и дешевым дезинфектором.

Их мечты о звездах разбивались о реальность бесконечных смен. Они становились клерками на регистрации, чьи глаза выгорали от света терминалов. Они становились грузчиками в доках, чьи спины ломались под весом контейнеров, которые никогда не прекращали двигаться.

Они прилетали на Аджаху, чтобы увидеть космос, но видели только переборки. Они прилетали за свободой, но оказывались в клетке из регламентов и инструкций. Они умирали здесь, в искусственном свете, так и не сделав ни одного глотка настоящего воздуха, веря до последнего вздоха, что следующий корабль увезет их отсюда. Но кораблей было много, а мест в трюмах — мало. И для большинства мальчишек с Захры Аджаха становилась не стартовой площадкой, а просто последним, самым высоким уровнем их персональной тюрьмы.

Именно такой бывший мальчишка встретил делегацию Каа на станции.

Он стоял у стойки таможенного контроля — долговязый, нескладный, похожий на марионетку. Тонкие черты лица, впалые щеки и глубокие, лиловые мешки под глазами говорили о хронической бессоннице. Кожа была неестественно бледной, почти серой. Его взгляд был абсолютно пуст. В нем не было ни любопытства, ни злобы, ни усталости — только бесконечная, выцветшая апатия человека, который давно смирился с тем, что его жизнь — это бесконечная очередь из сканеров и накладных.

Он сухо, без выражения, проверил документы делегации. Его пальцы, бледные и тонкие, как паучьи лапки, пробежали по голографическому интерфейсу. Затем он протараторил стандартный текст — монотонный, лишенный интонаций поток слов, который должен был говорить всем прибывающим на станцию. Слова сливались в белый шум, в фоновый гул вентиляции.

Но когда его взгляд скользнул по Анне, что-то в нем дрогнуло. Механическая пустота в глазах на долю секунды треснула.

Вспыхнула зависть. Не к её красоте. Не к её одежде. К тому, что она могла уйти. К тому, что за её спиной стояли корабли, которые могли унести её прочь от этого ада. Он был заперт здесь навсегда, прикован к этим переборкам, к этому искусственному свету, к этой пыли. А она... она могла улететь.

И следом за завистью поднялась похоть. Грязная, липкая, животная. Его зрачки расширились, а уголок губ нервно дернулся.

— Вам необходимо пройти в административный центр для регистрации статуса, — его голос оставался ровным, но в нем появилась едва уловимая хрипотца.

Он протянул карту. Пластиковый прямоугольник, холодный и бездушный.

— Ваше временное удостоверение, — продолжил он, не отрывая от неё глаз. — Действует двенадцать часов. И только здесь. На станции.

Он буквально выплюнул последнее слово, словно оно обжигало ему язык. Двенадцать часов. Это всё, что отделяло её от цели .

Глава 6

Пилот

Это помещение когда-то было стандартной комнатой для синтеза и приема пищи — стерильным, функциональным блоком, где рабочие станции получали свою норму белковой пасты и витаминного концентрата. Но за сотни лет Захра из захолустной планеты-шахты разрослась до полноценного мира, а денег на нормальную транспортную инфраструктуру, удобную для пассажирских перевозок, у Империи так и не нашлось. Станция «Аджаха» строилась как перевалочный пункт для руды, а не для людей. Но человеческая природа требовала своего: техникам, уставшим от бесконечных смен, и контрабандистам, застрявшим здесь в ожидании очереди на вылет, нужно было место, где можно снять напряжение, обменяться слухами и заключить сделки, которых нет в официальных реестрах.

Так комната превратилась в бар. Стены, выкрашенные в унылый больничный бежевый цвет, теперь были закопчены до черноты дешевым табаком и испещрены граффити на доброй дюжине языков. Тяжелые столы из переработанной корабельной брони стояли неровно, привинченные к полу лишь для того, чтобы во время редких гравитационных сбоев никто не остался без выпивки. Штатные синтезаторы еды тут давно были перепрошиты в миниатюрные фабрики по производству алкоголя на любой вкус. Это был не просто бар — это была социальная артерия станции, пульсирующая в ритме тяжелого дыхания карьеров.

Каа У двигался сквозь толпу с грацией, невозможной для существа его габаритов. Его массивное, покрытое складками тело занимало почти весь проход, но никто не смел его толкнуть. Они заняли столик в самом темном углу. Отсюда был виден весь зал: мерцающие голографические экраны с котировками руды, наемники, играющие в покер на кредиты, и проститутки, предлагающие скрасить вечер тем несчастным, кто ждал разрешения на вылет.

Каа У тяжело опустился в кресло, которое жалобно скрипнуло под его весом. Он не стал заказывать выпивку. Он просто закрыл свои огромные, влажные глаза с горизонтальными зрачками. Его жаберные щели затрепетали, улавливая не запахи, а вибрации разума. Анна терпеливо ждала. Она знала этот ритуал. Каа не смотрел на людей — он их ощущал. Для него толпа была не набором лиц, а какофонией ментальных частот. Гнев, страх, похоть, расчет — всё это имело свой цвет и вкус в эфире.

Прошло около минуты. Каа У медленно выдохнул, открывая глаза. Его взгляд был расфокусирован, он всё еще видел отголоски чужих мыслей.

— Нам несказанно повезло, — пророкотал он низким, вибрирующим голосом. — В этой помойке мы нашли всех, кто нам нужен. Они здесь. Все трое.

Анна проследила за направлением его взгляда за барную стойку.

— Мира, — Каа У кивнул в сторону невысокой женщины за стойкой. — Местный бармен. Бывший инженер. Её тело — это кладбище старых имперских технологий. Она заменила почти всё, кроме мозга и сердца. Ищет работу, где её... странности не вызовут вопросов. Она пойдет за тобой ради вызова.

Анна прищурилась. Мира была одета в потертый рабочий комбинезон, который висел на её угловатой, лишенной женственности фигуре, но её руки двигались с нечеловеческой, пугающей точностью, когда она наливала дешевый синтетический алкоголь в стакан какого-то забулдыги. В её глазах не было жизни, только холодный, отстраненный блеск оптических имплантов.

— Торн, — Каа У перевел взгляд на дальний столик, где сидел наемник в облегченной броне. — Бывший оперативник Синдиката. Ищет искупления. Его прошлое — это кровь невинных, и этот груз ломает его. Он опасен, как загнанный в угол хищник, но он будет защищать тебя, потому что в тебе он увидит шанс на очищение.

Анна почувствовала укол... чего-то. Симпатии? Торн выглядел уставшим. Слишком уставшим для убийцы. Он поднял голову, и на секунду их взгляды встретились. Он тут же отвел глаза, вернувшись к своей рюмке.

— И... — Каа У замолчал. Его лицо, обычно напоминающее высеченную из камня маску, дрогнуло. Вибрация его голоса стала ниже, в ней появились тревожные нотки. — Джакс.

Каа У кивнул в сторону игровых автоматов, где, сгорбившись над панелью, сидел мужчина. Время обошлось с ним безжалостно: в густых волосах пробивалась ранняя седина, а вокруг пронзительных глаз залегли глубокие морщины, выдававшие годы, проведенные в тесных рубках. Но годы не смогли украсть его харизму — даже сидя в полумраке, он излучал спокойную, опасную уверенность. Его пальцы двигались с удивительной почти ленивой точностью, но в глубине его взгляда Анна увидела то, что не мог просканировать даже Каа — выжженную дотла пустоту.

— Пилот, — продолжил Каа У. — Немолод, но его репутация в портах всё еще стоит дороже золота. Он должен Синдикату — разбил корабль и потерял груз. Мечтает о свободе. Его мотивация — корабль, который ты можешь ему пообещать.

Каа У замолчал. Он долго смотрел на Джакса, и его ментальное поле, казалось, морщилось от диссонанса. В разуме пилота не было паники — там царил ледяной, кристальный порядок, выстроенный вокруг одного-единственного закона: корабль всегда прав.

— Он чтит кодекс чести, — наконец произнес Каа У ровным, лишенным эмоций тоном. — Защищает экипаж. Но он прагматик. Видит всю доску. Просчитывает наперед варианты.

Каа У наклонил голову, его жаберные щели затрепетали, анализируя ментальный фон.

— В нем есть структурная нестабильность, — пророкотала древняя жаба. — Глубокая рана от личной потери. Он не предаст ради денег — его гордость не позволит. Но он предаст любого в этой галактике, если это будет значить, что его корабль и его команда выживут. Он пойдет на сделку с дьяволом, если дьявол предложит ему штурвал. Я чувствую в нем океан. Бескрайний и холодный. Он пойдет за тобой до конца, но только если будет уверен, что ты — член экипажа, а не наниматель.

Анна перевела взгляд на пилота. В этот момент автомат вспыхнул красным — "Game Over". Джакс не ударил по панели. Он просто откинулся на спинку кресла, устало потер переносицу, и на секунду его маска уверенности дала трещину, обнажая бесконечную, выжженную пустоту.

— Мне не нужна его верность,— наконец сказала она ровным, холодным голосом. — Мне нужна его координация. Мне нужно, чтобы он провел нас через Войд. Его прошлое — это его личное дело. Пока он держит штурвал, мне плевать, сколько призраков сидит у него за спиной.

— А если призраки окажутся сильнее штурвала? — спросил Каа У. Его жаберные щели затрепетали в тревоге. — Если в момент прыжка он решит, что груз Синдиката важнее твоей миссии?

Анна медленно повернула голову и посмотрела прямо в глаза древнему ящеру.

— Тогда он станет отличным примером для остальных, — ответила она. — И ты, Каа У, поможешь мне сделать этот пример... показательным.

Каа У долго смотрел на неё. Он видел перед собой не шестнадцатилетнюю девочку с бледной кожей. Он видел Скитальца. Хищника, который носил человеческую плоть как дешевое платье.

Древний ящер медленно, с невероятным достоинством, наклонил свою массивную голову. Это был поклон. Признание статуса.

— Как скажешь, — пророкотал он. — Я прослежу, чтобы он понял: предательство корабля — это единственный грех, который я не прощаю.

Джакс лениво ткнул пальцем в панель игрового автомата. На экране светящаяся точка — его истребитель — увернулась от залпа пиксельных лазеров, взорвав вражеский корабль облаком алых квадратов. Не отрывая взгляда от мелькающих цифр на табло, боковым зрением он зафиксировал движение у входа в кантину.

В прокуренный, тускло освещенный зал вошли двое. Контраст был настолько диким, что на секунду даже работяги за соседними столами оторвались от выпивки, проводив их взглядами.

Первым двигался представитель расы Каа. Древнее земноводное, чья кожа напоминала влажный базальт, а глаза походили на полированный янтарь. Он возвышался над толпой, как ходячая скала. Там, где он проходил, воздух словно густел. Обычно представители его расы держались особняком, предпочитая влажные, герметичные залы своих кораблей или элитные терминалы, куда таким, как Джакс, вход был заказан.

Рядом с ним шла девушка. На вид — не старше шестнадцати. Хрупкая, с бледной кожей, которая почти светилась в полумраке. На ней было платье из тонких металлических цепей и белого золота — наряд, который стоил дороже, чем весь этот бар вместе с посетителями. Типичный «товар» с Аукциона Цветов. Наложница, которую какой-нибудь скучающий бюрократ с Эдема купил для экзотики.

Но Джакс смотрел не на платье. Он смотрел на то, как она держалась.

Она шла не позади Каа, как подобает вещи. Она шла рядом. Её шаг был вровень с его. Когда жаба остановилась, чтобы пропустить грузчика с ящиком, девушка не стала прятаться за его спину — она просто замерла, и её взгляд, холодный и спокойный, скользнул по залу.

"Интересная пара, — подумал Джакс, запуская новую игру. — Аристократка и жаба. Обычно такие вместе не ходят. Если только..."

Его мозг, привыкший просчитывать траектории и мотивы, начал выстраивать схему. Каа не нанимает людей просто так. Они живут тысячелетиями, мыслят веками. Если Каа спустился с небес в эту клоаку, значит, ему нужно то, что не могут дать его собственные слуги.

"Команда, — догадался Джакс. — Им нужна команда для миссии вне юрисдикции Каа. Что-то грязное. Что-то, что нельзя доверить их медлительной касте".

Его взгляд снова метнулся к девушке. Наложница? Нет. Слишком прямая спина. Слишком пустой, выжженный взгляд. Девочки с Аукциона либо сломлены и напуганы, либо накачаны наркотиками до состояния овощей. Эта же... она была собрана. В ней чувствовалась сталь.

"Или она — самый дорогой инструмент в этом секторе, или я не Джакс".

Он представил, что будет, если он подойдет к ним. Предложит услуги. Каа, скорее всего, проигнорирует его — для него люди на одно лицо. Но девушка... она заметит. Она оценит его взгляд. Взгляд пилота, который видел слишком много, чтобы впечатляться блеском золота.

Автомат снова пискнул. "Game Over". Кредиты закончились, пилот откинулся на спинку и задумчиво вздохнул.

Джакс поднялся, разминая затекшую шею. Он подошел к барной стойке, где Мира методично протирала и без того чистый стакан. Он кивнул в сторону странной пары, которая как раз занимала столик в углу.

— Видишь их? — хрипло спросил он, кивая на девушку. — Аристократка и древняя жаба. Сидят в углу.

Мира даже не повернула головы, продолжая полировать стекло. — Дипломатический брак, — буркнула она. — Слышала сплетни. Она «ритуальная жена»

— Нет, — Джакс усмехнулся, и в его глазах блеснул азарт игрока, которому зашла хорошая карта. — Это слишком просто для Каа. Посмотри на неё внимательнее, Мира. Она одета как кукла, но держит спину ровнее, чем имперский гвардеец. Она не жертва. Она — заказчик.

Он сделал глоток дешевого пойла, которое поставила перед ним киборг. — Каа не нанимает людей для прогулок под луной. Им нужна команда для работы там, где их собственные корабли не пройдут. Вне их юрисдикции. В грязи. В пустоте.

Джакс улыбнулся

— Похоже, нам с ней есть о чем поговорить.

Джакс допил остатки алкоголя одним глотком, чувствуя, как тот обжигает горло, но не приносит ни тепла, ни забвения.

Он не спеша подошел к их столику. Каа возвышался над столешницей как темная непоколебимая скала, девушка же даже не повернула головы. Джакс остановился в паре шагов, намеренно входя в их личное пространство. Он отвел правую руку за спину — старый жест уважения. Его поклон был не раболепным, а почтительным — кивок равного, признающего силу собеседника.

— Джакс Фоллон, — представился он, и его голос прозвучал хрипло, но четко, перекрывая гул бара. — Капитан. Пилот. Я заметил вас у входа. Позвольте поинтересоваться, не нуждаются ли достопочтенные господа в услугах человека, который умеет водить корабли быстрее, чем Синдикат успевает считать убытки?

Наступила тишина. Каа У медленно моргнул, его жаберные щели затрепетали, анализируя дерзость человека. Но заговорила девушка.

Анна повернула голову. На её губах появилась легкая, едва заметная улыбка. Это была не кокетливая улыбка наложницы, а удовлетворенная ухмылка охотника, чья засада сработала идеально.

«Она не сомневалась», — понял Джакс. Из всей этой странной троицы именно в нем, в потрепанном игроке у автомата, она была уверена с самого начала.

Анна бросила короткий взгляд на Каа. Тот ответил ей медленным, тяжелым кивком — знаком высшего одобрения.

— Мой достопочтенный супруг, Каа У, — голос Анны был ровным и мелодичным, но в нем звенел металл, — ищет команду. Людей, достойных сопровождать его ритуальную супругу в её... опасной экспедиции.

Джакс замер. Супруг? Каа У?

В голове Джакса мгновенно пронеслись обрывки знаний, почерпнутых в портах фронтира. Он знал, что у представителей расы Каа такие короткие, рубленые имена — всего два слога — бывают только у высшей аристократии, у тех, чья родословная исчисляется тысячелетиями. Простолюдины с болот носили длинные, певучие имена, состоящие из каскада звуков. Каа У был не просто дипломатом. Он был кем-то из правящего дома, кем-то, чье слово имело вес даже в имперских залах.

И эта девочка... Ритуальная супруга?

Джаксу перехватило дыхание. Это меняло всё. Ритуальный брак с Каа — это не просто экзотика, это дипломатический иммунитет. Это билет в высшую лигу. Но если Каа У — аристократ, то зачем ему спускаться в эту клоаку? Зачем искать команду здесь?

Анна сделала театральную паузу, наслаждаясь моментом. Она обвела взглядом кантину, задержалась на мигающем автомате, а затем снова посмотрела на Джакса. Её глаза были холодными, как лед в открытом космосе.

— Экспедиции в Войд, — закончила она.

На секунду в баре словно выключили звук. Джаксу показалось, что кто-то выбил воздух из его легких.

Войд.

Бермудский треугольник сектора. Место, где пропадают корабли, а навигация сходит с ума. Джакс запрокинул голову и захохотал. Громко, искренне, без тени почтения. Это был смех человека, который только что сорвал джекпот в игре, где на кону стояла его жизнь. Он смеялся над абсурдностью ситуации, над собственной удачей и над тем, что эта пигалица в цепях только что предложила ему билет в один конец — именно туда, куда он бежал всю свою жизнь.

Отсмеявшись, он без церемоний отодвинул свободный стул, плюхнулся на него и облокотился на стол, нависая над Анной. Его взгляд стал острым, как бритва. Почтительность испарилась, остался только азарт игрока.

— Войд, значит, — протянул он, и в его глазах вспыхнул опасный огонек. — А я уж думал, в этом секторе не осталось ничего интересного.

Он посмотрел на Каа У, и в его усмешке промелькнуло уважение. Он перевел взгляд на Анну.

— Что ж, госпожа супруга... Похоже, вы умеете выбирать пилотов. Рассказывайте, что именно мы там забыли? И главное — как быстро нам нужно будет оттуда сбежать?

Анна не отвела взгляда. Она смотрела на него своим фирменным взглядом — холодным, расчетливым, будто сканируя его на предмет слабостей. Джакс поежился. Он видел такой взгляд у старых космических волков перед тем, как они шли на таран.

— Мой отец был пилотом, — ровным голосом начала она, и Джакс понял, что сейчас услышит отрепетированный текст. Легенду. — Хорошим пилотом. Одним из лучших. У нас с ним была... договоренность. На случай, если дела пойдут совсем плохо.

Она сделала паузу, давая словам повиснуть в прокуренном воздухе. Каа У за её спиной оставался неподвижным, как статуя, но Джакс чувствовал, как древнее существо впитывает каждое слово.

— Если станет по-настоящему опасно, — продолжила Анна, и в её голосе впервые проскользнула тень чего-то похожего на искренность, — он должен увести корабль в Войд. По заранее известному лишь ему и мне маршруту. Секретному фарватеру.

Джакс хмыкнул. Секретные маршруты в Войде были мифом. Или проклятием.

— Я хочу, чтобы вы, Джакс, сопроводили меня в эту точку, — Анна подалась чуть вперед, её глаза блеснули в тусклом свете. — Забрали корабль и вывели его обратно в обитаемую часть космоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.